

Буй город
Юрий Плюснин

Дата публикации: 5 Августа 2004

Буй. Странное имя. В первый момент оно ассоциируется с буйным нравом его жителей или их местности. Однако ни реки Кострома и Векса, на которых он стоит, ни характер местности, ни сами люди – ничему не соответствует это имя. Да и сами буйские жители не связывают название своего города с чем-то динамичным. Жизнь его всегда была размеренно-провинциальной, точнее сказать – сонной. И местность, в которой он расположен, – Корежма – своими болотами и лесами, вековой дремотной и бедственной жизнью здешних насельников вдохновила художников только однажды, на единственное – зато всем известное – поэтическое произведение. Это поэма Некрасова "Кому на Руси жить хорошо?". Она именно про эти края, про здешних крестьян. Так что можно было бы сказать, что у каждого из нас со школьных лет уже сложился печальный образ болотистой буйской местности и ее жителей. Возможно, при реальном знакомстве отдельные черты этого образа и находят подтверждение. Хотя когда путешественник отправляется из города по окрестностям, он чаще обнаруживает не болота, а сосновые леса и холмы, на которых стоят древние села с привычными руинами трехсотлетних церквей, обрамленные ожерельем потемневших старинных построек крестьянских домов. Холмы нависают над тихими, извилистыми речками, и с их вершин открываются впечатляющие дали: поля и леса.

Город начинается с вокзала. Вокзал в Буйе необычен. Здесь, составляя одно целое с его зданием, находится церковь. Притом действующая. Года два-три назад ее передали Русской православной церкви. Храм был быстро отреставрирован. Заодно, на те же деньги, отреставрировали и само здание вокзала. Так что "привокзальное впечатление" от города у приезжающих сюда несравненно лучшее, чем, например, от соседних городов Галича и Данилова.

На вокзале же стоит и один из трех имеющихся в городе памятников Ленину. Этот очень мал и так удачно спрятан в зарослях тиса, растения здесь экзотического, что обнаруживается случайно или с помощью специальных изысканий. Другой, более официальный памятник заселяет собой центральную площадь города в самой старой его части, там, где была заложена крепость и где стоит остов главного городского храма, некогда превращенного в хлебозавод (хлебозавод только что выселили, и кирпич пристроек разбирают на продажу, а в самом храме началась робкая реставрация).

Город Буй, не в пример тому же Галичу, даже при ближайшем и внимательном знакомстве не создает ощущения старины, целостного и приятного впечатления. Город старый, но это вовсе не заметно. Все старое разрушено или скрыто, замещено пятиэтажками советского времени. Старина проглядывает только на тихих приречных улицах – в столетних черных покосившихся домах. Да и осталось их совсем немного. Приезжие сюда не ходят.

Постоянно действующая (и в советские времена никогда не закрывавшаяся) церковь находится на заречной части города, за рекой Костромой. Она сравнительно нова и ухожена. В праздники полна прихожан. В будни к священнику о. Аркадию идут люди за советом. И предлагают помощь в ремонте здания. В недавно восстановленной часовне на центральной площади, напротив памятника Ленину и двух зданий местной власти – районной и городской, – всякий день толкуются люди. И конечно, нищие. Одутловатые от дурного вина, с набухшими веками сине-красные лица попрошайек не гармонируют со святыми образами, заново

написанными на штукатурке стен часовни.

Город был заложен в 1536 году как крепость, защищающая с севера Кострому, Ярославль и Москву от набегов казанских татар и союзных им черемисов. Поэтому расположен он на стрелке между судоходными некогда реками Костромой и Вексой. Однако уже через двадцать лет после своей постройки город потерял всякое военное значение - Казань была взята, набеги прекратились. Какой-то важной потребности, кроме почтовой, иметь еще один город в 40 верстах от древнего Галича не было. И городок, рожденный по нужде и не в срок, пятый век тихо влачит свое существование.

Между тем он почти всегда был городом уездным, с собственным штатом чиновников. Но патриоты Буй до сих пор не могут простить одной несправедливости, случившейся в 1796 году, когда при Павле I город был "выведен за штат" - перестал быть уездным и оставался заштатным целых шесть лет. Слава Богу, это был единственный печальный эпизод для чиновной официальной истории города.

Как у всякого неудачного порождения, развитие города протекало трудно, долго и неестественно. За первые три с половиной века число его жителей едва перевалило за 2 тысячи человек. Да и то большинство из них составляли крестьяне, занимавшиеся каким-либо ремесленным промыслом. Остальные - чиновники и священники.

Ремесло было самым разнообразным: гончарное, скобяное, кожевенное, валяное, шерстяное, столярное, малярное, кузнечное, маслобойное и пр. (всего около 30 наименований по фискальному учету середины XIX века). Общим признаком был его кустарный характер и низкое качество. Поэтому рынок сбыта был исключительно местным. Даже вывоз продукции в соседние районы считался коммерческой удачей.

Исключением являлась продукция винокуренного завода, предшественника нынешнего химического завода. Почти единственный завод в городе, он силами всего 40 работников производил ежегодно 600 000 литров водки в год (до 50 литров в день на 1 рабочего; между прочим, зарплату они получали натурой - ведрами водки). Благодаря мягкой болотной воде, продукция завода была очень высокого качества и находила сбыт даже в столицах.

Почти все население уезда проживало тогда в деревнях - раз в 30 больше, чем в городе. Начиная с середины XIX века в уезде, как и в целом по стране, начался быстрый рост численности населения. За 60 лет, с 1858 г. по 1917 г., число жителей выросло с 55494 чел. до 92227 чел.

После этого времени численность стала неуклонно падать, а учет ее вестись округленно, с точностью до тысячи. Теперь в районе живет только 41000 жителей. А в сельской местности - всего около 8800 человек (точнее неизвестно, не те времена). Плотность сельского населения уезда составлявшая некогда от 16 до 27 чел. на кв. км, сейчас всего 2,7. Ровно в десять раз меньше.

В 1905 г. судьба города круто изменилась. Через него началось строительство ветки из Петербурга-Вологды на Вятку и далее в Сибирь. Одновременно с юга через Данилов подошла ветка от Ярославля. С этого времени Буй, ставши узловой железнодорожной станцией, начал быстро расти. За десятилетие численность выросла более чем вдвое и к 1917 г. уже составила 7000 человек. Вместе с железной дорогой стала развиваться и промышленность. Прежде всего - лесная. С тех пор это основная индустрия района.

В советское время судьба города ничем не отличалась от судьбы всех остальных городов страны. Индустриализация способствовала тому, что город за сто лет вырос десятикратно. Основные занятия жителей - обслуживание железной дороги (и раньше, и теперь именно здесь самые высокие и стабильные зарплаты и самая высокая конкуренция - блат - за рабочие места), работа на деревообрабатывающем комбинате и многочисленных лесопилках, разбросанных по окрестностям и составляющих основную угрозу буйским соснякам, особенно еще сохранившимся участкам нетронутой европейской тайги. Немало жителей занято на местном химическом заводе, мебельной фабрике. Ранее государственные, теперь акционированные предприятия принадлежат не местным буйским хозяевам, а москвичам. Это обстоятельство сильно раздражает буйцев. В любом разговоре о работе они всегда не преминут обратить внимание на это неприятное для них обстоятельство.

Жители Буя - люди азартные. С утра до вечера вокруг игровых автоматов, расставленных в холлах магазинов, топчутся мужчины и женщины в возрасте, молодежь и подростки. Звенят пятаки (теперь это не пять копеек, как раньше, а пять рублей), поглощаемые "игральным столбом". Деньги, какие-никакие, значит, есть у населения.

Хотя в большинстве своем люди по привычке плачутся и называют суммы зарплат от 600 рублей до 2-х тысяч. Зарплаты как будто те же, что в тяжелые 90-е годы, но одежда и обувь уже не та - не изношенная и штопанная, что было характерно для прежнего времени. Даже не из сэконд-хэнда. По моде. Довольно дорогая. И обилие снующих без толку машин с молодыми балбесами за рулем никак не свидетельствует о крайней бедности населения. Кто знает - руководители предприятий, - утверждают, что сейчас действительно бедными остались пенсионеры. А из трудоспособных такие только пьяницы и лодыри. Их на самом деле не так много, как думают и любят писать столичные журналисты. Они просто на виду. Мелькают перед глазами, шатаясь по улицам.

Остальные могут зарабатывать и делают это достаточно успешно. Только нередко это приходится делать не в родном городе, а в отхожем промысле, нанимаясь на вахтовую работу в Москву, Питер, Кострому, Ярославль. Такой способ жизни тяготит, но люди втянулись, привыкли. Хотя предпочли бы иметь приличную работу в родном городе.

Как везде в провинции, люди здесь много работают и не избалованы вниманием и участием. Богатыми себя не считает никто. Да и действительно, богатый из местных только один человек - хозяин сети магазинов. Даже обеспеченных людей очень мало. В основном среднеобеспеченные и бедные. Половина на половину.

Треть жителей города живут по-деревенски: в частных домах с усадьбой. Половина - в благоустроенных квартирах в панельных пятиэтажках. Остальные ютятся где и как попало. Почти все имеют огороды, дачи.

Как, наверное, и везде, жители Буя больше всего ценят свое здоровье, а помимо этого - еще собственное благополучие и простую незамысловатую жизнь в семейном кругу. Осязаемые ценности. Простые радости жизни. Туманные вещи, вроде свободы и равенства, красоты и понимания, мало кого интересуют.

Народ в городе живет дружно, по-соседски. Многие имеют поддержку родственников. Люди не чувствуют себя одинокими, оставленными на произвол судьбы. Как почти во всех старинных малых городах, значительное большинство живет здесь всю жизнь и не собираются никуда уезжать. Чужих здесь нет. Новые люди редко приживаются. Да и нужны

ли они здесь?

Город умиротворен, сладко позевывает и вовсе не испытывает желания вскочить вдруг и понестись очертя голову в неведомое.